

УДК 811.161.81

РОЛЬ ЗАГЛАВИЯ В СТРУКТУРЕ ДИЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

© 2011 г.

О.Е. Баланчук

Марийский госуниверситет, Йошкар-Ола

balanchuk-olga@mail.ru

Поступила в редакцию 10.03.2011

Рассматриваются особенности бытования эпической диалогии в аспекте проблемы функционирования заголовочного комплекса как одного из элементов диалогической структуры.

Ключевые слова: заглавие, заголовочный комплекс, эпическая диалогия, «первоэлементы» диалогии, диалогическая целостность.

Заглавие, как известно, является основным элементом заглавно-финального комплекса текста, заключая в себе «программу литературного произведения и ключ к его пониманию» [1, с. 138]. В современном литературоведении изучение заглавия проходит преимущественно в русле определения его важности (функциональности) для концепции всего произведения. Между тем все чаще данное определение дополняется «указанием на авторский характер заглавия, на принципиальность озаглавливания произведения самим автором» [2, с. 73]. Подобный подход к заглавию особенно актуален при исследовании специфики образований ансамблевого характера (сложного сверткового единства), так как выполняет иную содержательную функцию, нежели в рамках единичного текста.

Формирование заглавно-финального комплекса диалогии связано с особенностями онтологии полидиалогических образований в книжном оформлении, способствующем актуализации ассоциативных связей между частями – «первоэлементами». Особенности бытования произведений, составляющих диалогическое целое, в едином книжном «варианте» четко осознавались уже писателями-романтиками 1830–1840-х годов, стремившихся к более позднему (в сравнении с журнальным вариантом) целостному оформлению диалогий посредством отдельного книжного издания или в пределах тома собранных сочинений. В 1860–1880-е годы оформление романских диалогий в единую книжную форму явилось главным критерием ее целостного восприятия, о чем свидетельствуют журнальные переиздания диалогий в полном варианте после выхода второго произведения.

Книжный формат и графическое оформление диалогии как целостной текстуальной струк-

туры ставят заглавно-финальный комплекс в сильную позицию. В этом случае заглавие активизирует внимание читателя не только на содержательном аспекте произведений: «Оно (заглавие. – О.Б.) в конденсированной форме выражает основную мысль текста, определяет его важнейшую сюжетную линию или указывает на его главный конфликт» [3, с. 168], — но и на их смысловой и структурно-композиционной целостности.

Особенностью заглавия диалогии является тот факт, что оно всегда «вторично» по отношению, с одной стороны, к тексту диалогии как целому, а с другой – к собственным заглавиям «первоэлементов» диалогии, что непосредственно обусловлено фактом ее создания. Диалогия, независимо от того, задумана ли она автором априорно как крупная повествовательная форма или создана путем «удвоения» первичного текста, первоначально издается как два произведения, условно самостоятельных, каждое из которых имеет собственный заглавно-компонент. Заглавие диалогии, вступая в смысловые и композиционные связи не только с диалогическим повествованием в целом как его «субтекст», но и с заглавиями и текстом его составляющих частей, выполняет функцию «метатекста» по отношению к ним.

Заглавие выполняет две обязательные функции: конкретизации и обобщения (генерализация) [3, с. 174]. В заглавиях диалогического образования эти функции реализованы в рамках всей заголовочной системы, включающей в себя как общее заглавие, так и заглавия частей диалогии. Функция конкретизации основана «на обязательной связи заглавия с определенной ситуацией, представленной в тексте» [там же]. Это свойство в пределах заголовочной системы диалогии проявляется на уровне заглавий ее «пер-

возлементов», которые непосредственно связаны с содержанием частей диалогии. Конкретность проявляется в тех случаях, когда в заглавие вынесены имя собственное, указывающее на сюжетно- и смыслообразующий персонаж («Эльса» — диалогия «Саламандра» В.Ф. Одоевского), номинация социального статуса героя («Крестьянин» и «Солдат» — «Рассказы русского солдата» Н. Полевого) или указание на конкретную ситуацию («Южный берег Финляндии в начале XVIII столетия» — «Саламандра» Одоевского; «Бироновщина» и «Два регентства» — «Под немецким ярмом» В.П. Авенариуса). Так, в предисловии к диалогии «Под немецким ярмом» на связь семантики заглавий частей диалогии с конкретной сюжетной ситуацией косвенно указывал Авенариус, поясняя смысл заглавий через соотношение с героями и временем описываемых событий: ... для первой, «Бироновщины» мы взяли последние полтора года царствования императрицы Анны Иоанновны, как наиболее интересные, «Два регентства» обнимает полностью правление герцога Бирона и принцессы Анны Леопольдовны... [4, с. 244].

Между тем, при безусловной связи заглавия отдельной части диалогии с конкретным содержанием, нельзя отрицать наличие определенных смысловых связей между семантикой заглавия одной части и смысловым контекстом другой части диалогии. В рамках диалогий, которые имеют общее заглавие, значения заглавий их частей, как правило, не соотносятся друг с другом в смысловом и структурном отношениях, их основу составляют понятия, лексически не соотносимые между собой: «Панургово стадо» — «Две силы» («Кровавый пух» В.В. Крестовского); «Современная идиллия» — «Поветрие» («Бродящие силы» В.П. Авенариуса) и т.д. С одной стороны, это усиливает конкретность заглавия, его связь с определенным содержанием. Это обусловлено разрывом смысловой доминанты, определяющей значение заглавия первой части, путем введения новой смысловой константы во втором заглавии. Но, с другой стороны, оба заглавия так или иначе поддерживаются смысловым контекстом обеих частей диалогии. Так, например, заглавие второй части диалогии Одоевского «Саламандра», «Эльса», отсылает нас к содержанию первой повести «Южный берег Финляндии в начале XVIII столетия» и отражает значимость образа героини для реализации ключевой оппозиции диалогии «естественная среда — цивилизация».

В свою очередь заглавие первой части романной диалогии Крестовского «Кровавый пух», «Панургово стадо», интертекстуально ориенти-

рованное на роман Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», получает метафорическую интерпретацию в диалоге героев романа (Пшецыньского и Кунцевича): *Недовольство станет возрастать, все-таки лишняя капля горечи в чашу, а Панургово стадо не ослабеет, если несколько баранов будут зарезаны!.. Надо только, чтобы бараны были так себе, не важные, из не особенно тонкорунных. Это нам, душечко, все на добро да на пользу!..* [5, с. 78]. В рамках диалогического повествования данная номинация приобретает характер обобщающей метафоры, олицетворяющей русскую молодежь 1860-х годов, бездумно следовавшую за своими вождями в пучину революции, к удовольствию польских руководителей.

Если заглавия «первозлементов» диалогии, наряду со смыслопорождающей функцией, выполняют функцию актуализации композиционно-архитектонического членения диалогии путем их композиционного ограничения, то заглавие диалогии в целом выполняет функцию обобщения. В отличие от заглавий составляющих частей диалогии, общее заглавие многозначно, что обусловлено его связью со смысловым контекстом всех первозлементов диалогического образования, так как обобщающая сила заглавия заключается «...в постоянном обогащении его значениями всех элементов текста как единого целого» [3, с. 174]. Принцип обобщенности реализуется и на уровне графического оформления текста диалогии: заглавие диалогии графически не соотносится с текстом первой части, так как отделено от него промежуточными рамочными компонентами (собственным заглавием текста — «первозлемента», эпиграфом) либо предисловием, соотносимым с диалогическим повествованием в целом (например, «Под немецким ярмом» Авенариуса).

Заглавие каждый раз по-разному соотносится с текстом диалогического повествования. Оно может лексически отсутствовать в самом тексте и заявить о себе как смысловой концепт, организующий ассоциативное поле диалогии, значимость которого оказывается понятной читателю только после знакомства со всем произведением: заглавие «оказывается рамочным знаком, требующим возвращения к себе» [6, с. 92], связывая тем самым элементы диалогии как ее начало и конец. Так, философский контекст заглавия «Кровавый пух» реализуется через семантику составляющих его лексем. Согласно словарю В.И. Даля, слово *пух* обозначает «надувательство, нелепую выдумку» [7, стлб. 1427]. Внутри повествования это значение поддерживается посредством актуализации лейт-

мотива обмана, шантажа, который организует весь идейно-тематический комплекс произведения. В свою очередь эпитет *кровавый*, отсылающий читателя к финалу диалогии, в котором содержится указание на результат *пуфа*, усиливает авторскую оценочность описываемых событий, изначально заложенную в заглавии.

В большинстве своем заглавие так или иначе присутствует в тексте диалогии. Так, например, образ Саламандры, именование которого организует заглавие одноименной диалогии Одоевского, прежде всего соотносится с содержанием второй повести «Эльса», в которой он выступает одним из основных смыслопорождающих образов-символов, являя собой символическое продолжение образа Эльсы. Одновременно данный образ иллюстрирует завершившуюся деградацию главного героя Якко, что реализовано возвратом читательского внимания к первой повести «Южный берег Финляндии в начале XVIII столетия».

Функция заглавия как модификатора диалогической целостности на уровне первичного восприятия проявляется уже в повестийных диалогиях 1820–1830-х годов, большинство из которых сведены к общему заглавию: «Саламандра» Одоевского, «Невеста на ярмарке» Погодина, «Рассказы русского солдата» Полевого.

Однако уже в 1840–1850-е годы появляются образования, в структуре которых отсутствует общий заголовочный комплекс: в читательском восприятии такие диалогии складываются под наименованием, которое основано на соединении заглавий обеих частей («Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука» С.Т. Аксакова, «Иван Выжигин» и «Петр Иванович Выжигин» Ф. Булгарина; позже — «В лесах» и «На горах» П.И. Мельникова-Печерского; «Волхвы» и «Великий Розенкрейцер» Вс. Соловьева и т.д.). В этом случае константой заголовочного комплекса диалогии выступает не ее общее заглавие, направленное на усиление смыслового и композиционного обобщения, а то значение, которое порождается в результате соединения заглавий диалогических частей.

Если в первом случае в рамках заголовочного комплекса происходит своеобразное перераспределение принципов конкретизации и обобщения, что определенным образом сопоставимо со спецификой заглавия единичного произведения и подзаголовков его частей, то при отсутствии общего заглавия диалогии вся функциональная нагрузка равнозначно распределяется в пределах заглавий произведений, составляющих диалогическое образование. С одной стороны, заглавия частей диалогии в своей

самостоятельности достаточно конкретны по отношению к содержанию ее «первоэлементов», но с другой — в рамках единого восприятия они получают некую семантическую общность, которая по мере развертывания диалогического повествования расширяет объем своего значения. Так, например, ключевое словосочетание повестийной диалогии Н.Г. Помяловского («Мещанское счастье» и «Молотов»), вынесенное в заглавие первой части, — *мещанское счастье* — приобретает в пределах целостного повествования несколько значений. В первой повести оно обозначает образ жизни людей определенного социального слоя — мещанства, не приобретая какой-либо авторской оценочности. Однако по ходу развития сюжетной линии главного героя диалогии Молотова, указание на которого содержится в заглавии второй повести, данное словосочетание становится, во-первых, метафорическим обозначением пошлой, бездуховной, материальной жизни чиновничьей среды; во-вторых, обозначением жизненной философии, в основе которой принятие среды и ее законов такими, какие они есть; в-третьих, выступает авторским оксюморном, иллюстрирующим несовместимость представлений автора об истинном счастье и быте современного ему общества.

Другим примером многозначности является синтез значений заглавий частей романной диалогии Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах». Соотнесение заглавий подчеркивает одновременно противопоставление и диалектическую связь в философской концепции диалогии двух тематических центров: старообрядческой культуры, основанной на традиционном быте, поэтически изображенном автором, но одновременно замкнутом в себе («леса»), и городской цивилизации европейского типа, открытой «внешним» воздействиям («горы»).

Как известно, роль заглавия заключается не только в том, чтобы «установить контакт с читателем, но и вызвать у него интерес, оказать на него эмоциональное воздействие» [3, с. 174]. В рамках диалогического образования эта функция преимущественно реализуется в заглавии первой части. В свою очередь заглавие второй части целенаправленно ориентировано автором на семантику заглавия первой части как претекста. Это обусловлено тем фактом, что задача заглавия вторичного текста («первоэлемента» диалогии) заключается, с одной стороны, в усилении идейно-тематической доминанты, изначально акцентируемой посредством номинации первой части, а с другой — в «отсылке» читателя к предыдущему тексту и установке связи с ним.

Данная функция реализуется как в семантике заглавий, так и в их структуре. Большинство заглавий частей диалогий семантически лаконичны и, в отличие от наименований частей диалогий, имеющих общее заглавие, соотносимы в структурном отношении: «Иван Выжигин» — «Петр Иванович Выжигин»; «В лесах» — «На горах» и т.д. Но если структурное единообразие не является важным фактором функционирования заглавий отдельных частей диалогии, то значимость их смыслового соответствия безусловна, так как изначально в заглавии второго текста содержится авторская характеристика его как продолжения по отношению к первичному произведению (претексту).

Принцип смыслового и композиционного соответствия двух текстов как частей диалогии в рамках заглавий реализуется посредством установления следующих семантических отношений:

1. Оба заглавия соотносят диалогическое повествование с главными героями, связь между которыми обусловлена прямо или метафорически. Например, заглавие второго романа диалогии Ф. Булгарина «Петр Иванович Выжигин» мотивирует продолжение первой части, «Иван Выжигин», путем указания на родственные связи между героями (отец и сын).

Заглавия частей мистической диалогии Вс. Соловьева «Волхвы» и «Великий Розенкрейцер» акцентируют внимание читателя на сквозных образах текстов. Так, метафора *волхвы* объединяет ключевые образы диалогии (Калиостро и князь Захарьев-Овинов), в то время как заглавие второй части указывает прежде всего на образ князя Захарьева-Овинова как наиболее значимого для реализации идейно-философского содержания диалогии.

2. Заглавия частей диалогии организованы на основе антитетических понятий, которые в пределах диалогического повествования выступают его основными смысловыми концептами: «В лесах» — «На горах» (П.И. Мельников-Печерский).

3. Заглавия частей диалогии соотносятся как части диалогического целого посредством слов и словосочетаний, подчиненных общей семантической доминанте, организующей диалогическое повествование в целом. Примером подобного соответствия могут являться значения заглавий частей диалогии С.А. Аксакова «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука». Если основу заглавия первой части диалогии составляет указание на жанрово-видовую специфику произведения — *семейная хроника*, — чему в

ведении (изображение двух поколений семейства Багровых), то заглавие второй части связано с субъектно-речевой организацией романа, при этом фокусируя план персонажа. Однако подобная разноплановость не лишает ощущения смысловой общности двух произведений, которая мотивирована акцентацией двух лексических доминант заглавия, организующих единое семантическое поле: *семейная – внук*.

Таким образом, заглавия частей диалогии, с одной стороны, концентрируют содержание произведений, а с другой — реализуют авторскую установку на их восприятие как частей целого. Давая заглавие следующего текста, вторичного по отношению к предыдущему, автор организует читательское восприятие, основанное на эффекте ожидания продолжения, что часто графически обусловлено наличием подзаголовка к заглавию второй части: *Детские годы Багрова-внука, служащие продолжением “Семейной хроники”* — или послесловия: *Продолжением служит роман “Найденыш”* (диалогия «Пугачевцы» и «Найденыш» Е. Салиаса де Турнемира).

Диалогии, функционирующие под единым заглавием («Саламандра» Одоевского, «Кровавый пуф» Крестовского, «Под немецким ярмом» Авенариуса и т.д.), — явления, всецело организованные автором, в том числе и в аспекте создания общего заголовочного комплекса. В свою очередь в структуре диалогий, не имеющих объединяющего авторского заглавия, может присутствовать редакторский (читательский) компонент, иллюстрирующий стремление объединения «первозлементов» диалогии под общее заглавие. Примерами этого могут служить диалогия Вс. Соловьева «Волхвы» и «Великий розенкрейцер», которая имеет редакторское заглавие «Диалогия о Калиостро» и трилогия В. Крестовского «Тьма Египетская», «Тамара Бендавид» и «Торжество Ваала», которая в редакторском варианте получила заглавие «Жид идет», по наименованию одноименной критической статьи А. Суворина. Между тем, в отличие от цикла, для которого характерно бытование в редакторской форме, что обуславливает и возможность наличия неавторского заглавия, редакторские заглавия полилогий и, в частности диалогий, — явление условное и неустойчивое: подобные заглавия, как правило, существуют в читательском (критическом, литературоведческом) восприятии, но не закреплены официально, что обнаруживается и посредством издательского оформления произведений, в пределах которых сохраняются только

собственно авторские заглавия, то есть заглавия отдельных частей диалогии.

Список литературы

1. Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. М.: КомКнига, 2007. 280 с.
2. Орлицкий Ю.Б. Заглавие // Поэтика слов, акт. терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Изд.-во Кулагиной; Intrada, 2008. 358 с.
3. Николина Н.А. Филологический анализ текста. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 256 с.
4. Авенариус В.П. Под немецким ярмом // Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. М.: ТЕРРА, 1996. С. 243–622.
5. Крестовский В.В. Кровавый пух: В 2 т. Т. 1. Падургово стадо. М.: Современный писатель, 1995. 608 с.
6. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1978. 327 с.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 3. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 1998. 912 с.

THE ROLE OF THE TITLE IN THE STRUCTURE OF A DILOGICAL FORM

O.E. Balanchuk

This article examines some peculiarities of the existence of an epic dilogy, with the focus on the functioning of the title complex as one of the elements of the dilogical structure.

Keywords: title, title complex, epic dilogy, «initial elements» of the dilogy, dilogy wholeness.